

Коме. правда. - 1996 - 20 Дек. - с. 22-23

Борис Немцов, Израиль Гусман и Мстислав Ростропович на фестивале им. Сахарова.

Израиль Гусман - луч света в темном царстве

Ему писал письма Шостакович. У него учился Спиваков. На его день рождения, круто изменив свой гастрольный график, приезжает сам Ростропович и дарит концерт

Единственным утешением для опального академика Сахарова в ссылке Горьком были телепередачи о музыке, которые вел главный дирижер местного симфонического оркестра Израиль Гусман. Елена Боннэр потом пришлет музыканту послание со словами благодарности за этот «луч света в темном царстве».

...Закрывать Горький являлся в Советском Союзе некой музыкальной меккой. Сюда ехали из Москвы и Ленинграда, чтобы услышать «нерекомендованные» произведения знаменитых композиторов. Именно здесь в 62-м году Ростропович с Гусманом затеяли первый в СССР фестиваль «Современная музыка». Потом были фестивали Шостаковича, Шнитке...

В этом году очередной музыкальный фестиваль имени Сахарова в Нижнем был приурочен к дню рождения народного артиста РСФСР Израйля Гусмана. Ростропович приехал в Нижний, изменив свой гастрольный график, чтобы поздравить старого друга.

Как я спас Шостаковича от провала

- С Шостаковичем, - рассказывает Гусман, - меня познакомил отец. Он заведовал музыкальным отделом на Всесоюзном радио и взял меня с собой на встречу с Дмитрием Дмитриевичем.

Шостакович обожал шутки, анекдоты. Упивался жизнью, музыкой. Пока не грянула в 36-м году статья в «Правде» «Сумбур вместо музыки». Лишь потом мы узнали, что она была инспирирована Сталиным. Лично. Он был на спектакле «Катерина Измайлова» и ушел с последнего акта.

Тогда от него отвернулись многие. У него осталось только один близкий друг - Михаил Зощенко. Дмитрий Дмитриевич любил рассказывать, как «Миша любит музыку». Зощенко делил всю музыку на две части: «Интернационал» и все остальное. Определял это он так: если люди встают, когда звучит музыка, значит, играют гимн. Если сидят - «все остальное».

В год, когда вышла статья «Сумбур вместо музыки», Шостакович закончил Четвертую симфонию. Ее стали уже репетировать. Но тут эта страшная кампа-

ния. И Дмитрий Дмитриевич решил ее снять. Долгое время считалось, что симфония пропала. Лишь в 61-м году нашлись оркестровые партии, и симфония была исполнена в Москве.

На репетицию прибыло высокое начальство. После репетиции все они надели на композитора с требованием отменить вечерний концерт. Дмитрий Дмитриевич сказал: мое дело написать, а исполнять или нет, сами решайте. Стали обрабатывать дирижера Кондрашина.

Тот ответил: если мы сыграем симфонию здесь, в Большом зале Консерватории, то ее услышат две тысячи человек, а если запретим - это скандал на весь мир. Разрешили на один вечер.

Лишь года три спустя друзья Шостаковича добились еще одного исполнения этой симфонии в Москве. Но Кондрашин заболел. Тогда Шостакович сказал: надо вызвать Гусмана из Горького. Мне позвонили, и ночью я приехал в Москву.

Нашему оркестру удавалось играть «нерекомендованные» произведения Шостаковича. Четвертую симфонию, другие. Он приезжал слушать. Ему нравилось. Я же убеждал местное начальство методом Кондрашина: если не сыграем - скандал.

Меня не раз вызывали в обком партии. Когда сыграли Первую симфонию Шнитке, которую никто и нигде не исполнял, мне

шучивали. Мравинский не присутствовал, как бы давая понять, что отдает композитора им на растерзание.

И вот Хачатурян уже в конце репетиции просит сыграть «русский танец» из балета «Гаянэ». Оркестр зашумел: «Мэстро, мы только что записали пластинку, зачем тратить время. И так сыграем».

А на концерте исполнение на «бис» этого номера не получилось. Ни в первый, ни во второй раз. Тогда Хачатурян повернулся к залу и сказал, что оркестр не готов сыграть это произведение, хотя это лучший в стране оркестр. И ушел за кулисы. В зале - буря. Концертмейстер бежит за Арамом Ильичом: немедленно выйдите на сцену, извинитесь и скажите, что погорячились. В конце концов Хачатурян вышел на сцену, оркестр сыграл. Но композитор так и не извинился.

чтобы оркестр так отнесся к композитору?! Дирекция дрогнула. Следующим сдался Мравинский. Потом - и музыканты.

А дальше было очень смешно. Мы пришли в гостиницу, и Слава стал названивать в Москву Хачатуряну: Арам Ильич, все готовы извиниться перед вами и очень сожалеют, что так получилось. Что?!

Ростропович рухнул в кресло. И говорит мне: он не хочет ехать. И в трубку: Арам Ильич, если вы не приедете, нашей с вами дружбе конец.

Хачатурян приехал. После концерта состоялось примирение. Сначала на поклон к Хачатуряну пошли оркестранты. Потом дирекция, Мравинский.

В узком кругу собрались в гостиничном номере Ростроповича. Достали коньяк. Мравинский не пил. Потом Слава проводил Хачатуряна в Москву и вернулся.

На переднем плане Дмитрий Шостакович и Израиль Гусман.

Единственным утешением для опального академика Сахарова в ссылке Горьком были телепередачи о музыке, которые вел главный дирижер местного симфонического оркестра Израиль Гусман.

сказали: не только Шнитке, никакого композитора на букву «ш» играть больше нельзя...

Как я и Ростропович мирили Хачатуряна с оркестром Мравинского

Хачатурян очень любил дирижировать. В Ленинграде у него был авторский концерт. На репетиции музыканты шумели, под-

И началась борьба. Музыканты пожаловались Фурцевой. В этот момент мы с Ростроповичем приехали в Ленинград на его концерты. Ростроповичем тут же овладела идея: помирить враждующие стороны. На переговоры он взял меня.

Начали с дирекции. Слава с ходу в атаку: вы во всем виноваты, как вы могли допустить,

И тут Мравинский меня удивил. Он налил три четырехсотграммовых бокала и сказал: «Слава, выпьем за Вас! Вы не только музыкант гениальный, но и человек!». И выпил залпом до дна.

Как я помогал Евтушенко получить «Волгу»

Мы познакомились в Москве, когда я репетировал Тринадцатую симфонию Шостаковича. Как-то летом он позвонил в Горький: приезжаю на автозавод получить «Волгу», я не один, мне не хотелось бы в гостиницу.

А у меня как раз жена уехала на гастроли. Евтушенко приехал с молодой женщиной. Ее звали Джоан. Она оказалась англичанкой. Позвонили на автозавод и

договорились, что сейчас приедем.

На автозаводе начались накладки. Назавтра нас опять отравили ни с чем. Наконец идем на склад. Евтушенко спрашивает: а почему у вас некоторые машины закрыты? Не готовы к продаже? Нет, вы все-таки покажите.

Садится в одну из них. Заводит - изо всех щелей дым идет. Наконец выбрали. Едем. Евтушенко впереди, я на своем «жигуленке» сзади. Вдруг он останавливается. Я выбегаю: что такое? Поэт весь кипит от злости: хотел закрыть покрепче дверь - ручка вылетела.

Потом еще одна остановка. Заправляемся. Наливаем полный бак, а показател бензина на нуле. Я успокаивал его: мол, дам с собой канистру бензина на всякий случай. А он растерянно повторял: как же я буду в Москве ездить?!

Как я поздравил Свиридова с Госпремией

Репетиция «Курских песен», выдвинутых на Госпремию. Свиридов - в зале. Мы сыграли до конца, и я спрашиваю: «Георгий Васильевич, какие у вас замечания?.. Хорошо, так и сыграем на концерте». И собираюсь отпустить оркестр.

- Как, вы больше не будете репетировать «Курские песни»?! - возмущился Свиридов. - Давайте сначала.

Снова играем. Он ежесекундно останавливает и все требует большего воодушевления. Оркестр и хор уже в изнеможении.

Я его убеждаю, что невозможно десять раз подряд сыграть с воодушевлением. Вот на концерте - пожалуйста.

Свиридов встал и ушел из зала. Приезжает его жена: композитор решил снять свои «Курские песни» из программы концерта. Я с трудом уговорил не делать этого. Вечером после концерта Свиридов сказал, что лучше сыграть невозможно.

Когда он получил Госпремию за «песни», я отправил ему поздравительную телеграмму в стихах: признанию «песен» рад бесконечно, счастлив поздравить вас сердечно, пусть наш союз никогда не кончается, Георгий Васильевич, с вас причитается!

Он не понял шутки насчет «причитается». И года два каждый раз, когда мы после этого встречались, неизменно говорил: да, я все забываю, что мы с вами должны посидеть...

Николай ЕФИМОВИЧ.